

УДК 34.01

doi: 10.26907/2541-7738.2020.2.17-29

О КРИТИЧЕСКОМ МЕТОДЕ ПРАВОВЕДЕНИЯ (по следам идейного наследия Г.Ф. Шершеневича)

В.В. Лазарев

*Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, 117218, Россия*

Аннотация

В статье анализируется идейное и научное наследие великого российского цивилиста Г.Ф. Шершеневича, в том числе его философия права в части политики права и критический метод. В частности, разбору подвергаются идеи ученого о том, что критический метод раскрывается через три аспекта: 1) сознание неудовлетворительности действующего правопорядка в его целом и в частях; 2) постановка идеала как цели, в направлении которой должно быть произведено преобразование права; 3) изыскание соответствующих мер для перехода от существующего к желательному. Делается вывод, в частности, о том, что правоведение охватывает как теоретическую, так и практическую сторону, и ни одна из них не может успешно развиваться вне опосредования философией права. Также постулируется, что целесообразно не выводить из состава философии права ни теорию государства и права, ни политику права, а рассматривать ее интегративно и именно в этом качестве соотносить с иными, в том числе специальными, юридическими науками.

Ключевые слова: Г.Ф. Шершеневич, цивилистика, методология, философия права, критический метод правоведения

Нельзя сказать, что вопросам методологии юридической науки не уделяется внимание в отечественной литературе. Более того, в постсоветское время появились весьма основательные работы в этом направлении, в вузах читаются лекционные курсы, проводятся разные тренинги. Вместе с тем есть вопросы, которые остаются в тени и нуждаются в актуализации по ряду оснований. Во-первых, с точки зрения их значения по существу; во-вторых, по причине того, что им уделяли серьезное внимание известные представители правовой мысли, чье наследие еще не освоено; в-третьих, потому, что среди последних были крупные российские умы.

Говоря о российских правоведах, в первую очередь, бесспорно, можно назвать имя Габриэля Феликсовича Шершеневича – автора основательных общих и отраслевых научных трудов, университетского профессора и государственного деятеля. Он олицетворяет все ипостаси правоведения, все то, что подразумевает понимание права, роль права, функции права, и то, что связано с претворением в жизнь этих теоретических знаний. Есть настоятельная потребность

приобщиться к его научным достижениям и еще по одной причине. В последней четверти XX столетия российские теоретики обратились к философии права как к самостоятельной науке, не идентичной теории государства и права и не являющейся ее частью. При этом можно наблюдать постмодернистское понимание возникающих у ученых вопросов вплоть до отказа считать философию права наукой (А.В. Стомба) [1, с. 410]. «Мировоззрение, господствующее со второй половины XX в. и до наших дней, казалось бы, не оставляет возможности положительного ответа на вопрос о возможности универсального права и неотделимого знания о нем, так как сегодня с легкой руки культурной антропологии, аналитической философии, гипотезы лингвистической относительности, постструктуралистов, постмодернистов и т. д. доминирует идея релятивизма» [1, с. 134]. Если вместе с этим учесть заметное влияние синергетических подходов к правоведению, отрицающих действие законов причинности, усматривающих позитивные жизненные ценности не столько в правопорядке, сколько в хаосе общественной жизни¹, придется признать движение классической юридической науки к суициду. Поэтому есть потребность встать на некую прочную научную платформу, которой не страшны попытки расшатывания устоявшихся вековых конструкций, которая способна принимать на себя все **новое**, перерабатывая его применительно к **новым** условиям места и времени, открывая **новые** закономерности в соответствии с диалектическим законом отрицания отрицания. Дважды два все-таки четыре, и параллельные прямые здесь не пересекаются, хотя мы знаем, что в других условиях они пересекутся. Развитие человека и его формирование как личности пока еще подчиняется действию определенных закономерностей, и, соответственно, его свобода, права и обязанности требуют правового опосредования.

Многое можно развивать из идейного наследия Г.Ф. Шершеневича, из его философии права, но наш выбор остановился на его методологии и, в частности, на критическом методе правоведения.

Для полного раскрытия темы требуется обращение к философии права Г.Ф. Шершеневича, его теории права и социологии права. Но в первую очередь необходимо предостеречь читателей от ошибочного восприятия всего мировоззрения ученого как сугубо позитивистского, догматического. Представление о Г.Ф. Шершеневиче как о позитивисте дается с оттенком критики. Между тем следует иметь в виду, что позитивизм позитивизму рознь. Российский цивилист следовал английскому позитивизму, в котором изначально присутствовал социологизм. Право в целом, по Г.Ф. Шершеневичу, «понятие социологическое, а не юридическое» [2, с. 25]. Позиция ученого была близка социологическому подходу Р. Иеринга. К сожалению, у нас не всегда разделяют позитивизм юридический и социологический. Но во взглядах Г.Ф. Шершеневича как раз не без оснований находят синтетическое (интегративное) начало. Да, государство творит право – а разве это не так, если речь идет о позитивном праве? Или же позитивное право надо отвергнуть?! Однако следует сразу задаться вопросом, что

¹ «Хаос (как и бытие) первичен, вечен, структура, порядок вторичны, случайны» - это утверждают ученые, представляющие отраслевую юридическую науку. Это дает им основание «отвергать представления о праве как всеохватывающей системе правовых норм, регулирующих общественные отношения, формирующих общество. Нет “объективного права”, нет “правовой нормы” как регулятора общественных отношений» [1, с. 575].

питает это положительное право. В отличие от марксистской теории, синтетический взгляд Г.Ф. Шершеневича позволял видеть равнодействующую двух групп интересов – властвующих и подвластных. Это ИНТЕРЕСЫ – и, следовательно, подход чисто социологический. А далее и марксистские положения никуда не уходят. Если подвергать сомнению первенство государства перед правом, то только в случае отрицания правотворческой и правоохранительной роли государства и игнорирования того факта, что государство обязано обеспечивать действие в том числе и тех законов, которые приняты под давлением подвластных в результате общественного движения. Должное не совпадает с сущим. Теория не может отождествляться с практикой. Теоретику всякий раз следует задаваться вопросом, не утопична ли теория; человечна ли, справедлива ли практика. Иногда критику нужно направлять в адрес государства, иногда – в адрес общества. Всегда останется актуальным вопрос о том, где искать справедливость в решении конкретной проблемы применительно к условиям данного места и времени по отношению к данным субъектам и социальным силам.

Между тем именно Г.Ф. Шершеневич печалился по поводу разобщения между теми, кто занимается исключительно толкованием и систематизированием норм позитивного права, и теми, кто постигает право в интересах создания идеального порядка [3, с. 9–10]. Контуры и содержание этого идеального порядка он призывает видеть в действующем праве, в идеалах, «построенных на почве опытного изучения факторов общественного развития», идеалах, которые «могут получить осуществление в действительной жизни»² [3, с. 18]. Ученый видит односторонность взглядов последователей классических представлений о естественном праве и их критиков, отрицающих необходимость желательного права. Более того, Г.Ф. Шершеневич остро критикует Гегеля и Канта и всех общих философов в той части, где они навязывают свои убеждения в отрыве от явлений государственно-правовой действительности [2, с. 18–19]. Он пишет, что «на основании исторического материала философия права должна выяснить, что такое вообще право, независимо от изменчивого его содержания, что такое государство вне разнообразия действительных форм его существования, каковы источники права, каковы методы разработки норм права» [3, с. 14]. Классический позитивизм, в какие бы тона он ни был окрашен, ограничивает задачи правоведения описанием права, его систематизацией и не допускает его оценок. Г.Ф. Шершеневича ни в каком смысле нельзя отнести к таким позитивистам, его не причислить ни к лагерю К. Бергбома, ни к лагерю Г. Кельзена.

Связывая воедино две задачи философии права – теоретическую и практическую, профессор включает в состав философии права общую теорию права, историю философии права и политику права [2, с. 24]. Каждая из отмеченных частей имеет свою историю, но здесь представляется необходимым сосредоточиться на политике права, которая до последнего времени была наименее разработанной³, и, в частности, на основном методе политики права – критическом методе, который вообще выпал из поля зрения современных правоведов.

² Здесь и далее в цитатах орфография и пунктуация даны в соответствии с нормами современного русского языка. – В.Л.

³ Усилиями проф. А.В. Малько и его саратовской школы пробел успешно преодолевается, однако до соединения теории и правотворческой работы дело не всегда доходит.

У Г.Ф. Шершеневича в главе XIII его «Общей теории права» критическому методу посвящен специальный параграф [2, 4].

По Г.Ф. Шершеневичу, «система мер, направленных к изменению законодательным путем существующего порядка в соответствии с идеальным представлением составляет политику права в тесном смысле слова» [4, с. 804]. Коль скоро достижение определенных социальных целей достигается при помощи права, то политика права может быть «только деятельностью государства, от которого исходят нормы права». Ученый отмечает: «...Установлением законов ограничивается политика права. Она не идет дальше предложения того, какие нормы права должны быть вместо существующих. Поэтому достижение различных социальных целей при посредстве государственной силы, но не в законодательном порядке, не относится к политике права» [4, с. 804].

Г.Ф. Шершеневич продолжает: «Политика права, предлагающая в систематическом виде объединенные общую идею меры достижения социальных целей, не есть наука, а искусство, или, лучше сказать, является не чистой наукой, а прикладной» [4, с. 804]. Своего рода интегративный науковедческий подход позволяет ученому сказать, что теоретическую основу политики права составляют догматика, история, социология, психология. «...Политика права должна выработать общий план будущего государственного и правового порядка, и осуществление этого плана в деталях, по особым отделам права, – лишь только выполнение общей идеи. Специальная политика права может быть только развитием общей политики права» [4, с. 805].

И далее – самое существенное: Г.Ф. Шершеневич отмечает факт разрыва с традициями естественного права, пренебрежение задачами в сфере критики и потерю тем самым общественных симпатий, но надеется, что «восстановить свою истинную высокую роль [правоведению] еще не поздно. И **не в догматике должно происходить это обновление, не заменю догматики социологическими исследованиями, не путем разных приемов свободного толкования, а именно в критике существующего, в политике долженствующего** (выделено нами. – *В.Л.*). Тогда юриспруденция перестанет быть “служанкою законодателя”, как внушал ей Виндшейд, а станет гласной советницей законодателя, руководительницей всей социальной жизни, – пока не исчезнет потребность принудительного нормирования человеческих отношений» [4, с. 805].

Критический метод Г.Ф. Шершеневича раскрывает его философию, его «позитивистский» взгляд на право, его общественное лицо ученого. Особенно зримо это проявляется в его некритическом, если не сказать больше, отношении к софистам.

Софисты, как известно, были откровенными скептиками, критиками морали лицемерия, ниспровергателями социальных основ своего времени. Ни с какой стороны нельзя отнести их к догматикам. Г.Ф. Шершеневич видит у них своего рода синтетическое слияние скептицизма, сенсуализма и утилитаризма [3, с. 39]. Это совсем не тот позитивизм, который заставляет принимать право таким, каким оно есть. Напротив, это тот позитивизм, который в духе Протагора объявляет всякое знание и всякое право относительными, заставляет вновь и вновь искать истину в соответствии с новыми условиями места и времени. Именно в этой связи приобретают ценность средства критической эпистемологии и средства

утверждения истинной онтологии. Уместно напомнить о таких российских скептиках, как Н.И. Надеждин, П.Я. Чаадаев, В.Г. Белинский, чьим трудом утверждался в России критический реализм.

Мы знаем, что классический догматический юридический позитивизм (по К. Бергбому) ограничивает метод юридической науки установлением юридических норм, их описанием и систематизацией. Между тем Г.Ф. Шершеневич указывает, что нормы права как волевые акты подлежат оценке и с точки зрения преследуемых ими целей, и с позиций справедливости их велений. Уже одно это позволяет провести грань между классическими нормативистами (Г. Кельзен) и теми, кто допускает самые разные оценки действующих норм. Оценки в свою очередь требуют критики определенной части норм, не отвечающих строгому критическому анализу. Сам факт указания Г.Ф. Шершеневичем на закономерность отставания юридической формы от свободного развития общественных отношений свидетельствует о его родстве с социологическими взглядами на право. Критику существующего нормативного регулирования он связывает даже с формой правления и политическим режимом, отдавая при этом дань борьбе демократических сил против бюрократии. Миссия науки состоит в том, чтобы, не дожидаясь острых поворотов, подготовить преобразования в мирных условиях [4, с. 800].

Энциклопедически РЕАЛИЗМ (от позднелат. *realis* – ‘вещественный, действительный’) – философское направление, признающее лежащую вне сознания реальность, которая истолковывается либо как бытие идеальных объектов (Платон, средневековая схоластика), либо как объект познания, независимый от субъекта, познавательного процесса и опыта (философский реализм XX в.) [5]. Поколение автора настоящей статьи воспитывалось в условиях господства реализма первого вида – в парадигме соцреализма. Последний предполагал идеализацию социалистических реалий, привнесение в них того, что должно было быть с субъективных позиций определенной личности, класса, партии. Господство соцреализма официально и широко поддерживалось в литературе, в искусстве. Но, как представляется, этот феномен в полной мере был свойственен и гуманитарным наукам. Юридическая наука советского времени представляла социалистическое государство как наиболее развитую демократию – ее высший тип, а право – как самое совершенное, лишенное недостатков. Пережитки такого рода юридического мышления можно наблюдать и в постсоциалистическом обществе⁴. В их преодолении свою роль должен сыграть критический реализм, к представителям которого можно отнести и Г.Ф. Шершеневича.

Критический реализм предполагает определенную последовательность действий (план). Доминирует над ними общая цель. Ее отсутствие делает критику обескровленной, беспредметной. Цель определяет постановку вопросов и выявление основных проблем. Это возможно одновременно с установлением фактической стороны дела и всей информации о ней, включая интерпретации и выводы противоборствующих субъектов. Так формируется собственное мнение, вырабатывается концептуальная позиция и развивается критическая теория. При этом заметим, что если кантовские «Критики» – исследование познавательной

⁴ Явления правового идеализма хорошо описаны отдельными учеными (см., например, работы Н.И. Матузова).

возможности разума, в отрыве от знаний, получаемых эмпирическим (опытным) путем, если в эмпириокритицизме это критика с позиций чистого опыта, то в критическом реализме критический метод находится в прямой связи с реальным объектом критики, в нашем случае – с позитивным правом.

С точки зрения Г.Ф. Шершеневича, «критический метод (или политика права) предполагает три момента: 1) сознание неудовлетворительности действующего правопорядка в его целом и в частях; 2) постановку идеала как цели, в направлении которой должно быть произведено преобразование права; 3) изыскание соответствующих мер для перехода от существующего к желательному» [4, с. 800].

Мы и сегодня можем вслед за Г.Ф. Шершеневичем ощущать неудовлетворенность правопорядком и различать критику в бессознательной или в сознательной оценке. Простой гражданин или предприниматель ощущает стеснение от правовых установлений, не зная ни их причин, ни того, как их устранить, постоянно пытаясь их обойти. Постоянная тревога за свои интересы выливается в немой протест против власти или толкает на активные акции, в основе которых нет научно выверенных установок. Наука живет сознательными оценками. Но в классовых обществах оценки чаще всего не являются объективными и носят классовый характер. А власть, как правило, склоняет науку к обоснованию интересов господствующего класса и – тем самым – к измене самой себе. Г.Ф. Шершеневич с подлинно научных позиций предлагает вырабатывать сознательную критику на основе обращения к экономическим основам, положению рабочего класса, статистике и т. д. И, как следствие, ученый критически относится к выработке абсолютного идеала как мало пригодного с практической точки зрения: «...Оставляя всякую мысль о нахождении абсолютного идеала, правоведение должно заниматься установлением относительного идеала, то есть того желательного государственного и правового порядка, который выдвигается всею совокупностью исторических условий» [4, с. 802–803].

Интенсивность критики абсолютного идеала ученый связывает с глубиной разлада между юридическими нормами и условиями общественной жизни, отмечая при этом периоды равновесия между ними и единения народа в оценке правовых актов (Кодекс Наполеона во Франции, торговый кодекс 1861 г. в Германии, Судебные Уставы 1864 г. в России) [4, с. 799]. Оценка права – нормальное и необходимое явление для демократических режимов, где народная масса привлечена к участию в государственных делах, в отличие от абсолютной монархии, «где нормирование жизни вручено бюрократии» [4, с. 799]. На силу критики, как отмечает здесь же ученый, оказывает влияние и степень развития законности в стране. Она ослабевает, если изобретаются нелегальные способы обхода законов.

Сознательная критика, в отличие от инстинктивной, «основывается на изучении общественной жизни во всей ее целостности, с юридическими формами, ее охватывающими, и обнаруживает происшедшее или имеющее произойти несоответствие между ними» [4, с. 800]. Для выработки сознательной критики Г.Ф. Шершеневич предлагает социологические средства политической экономии и ста-

тики, но технические пробелы и противоречия может вскрыть и догматическое знание⁵.

Полагаем, что именно обозначенного выше момента не хватает в критике российских властей по первому из отмеченных Г.Ф. Шершеневичем пунктов. Да, стоит открыть страницу печатного издания, стоит посетить интернет-сайт – во всем, что касается законодательства, видим сплошную критику: регулирование множественно, противоречиво, не отвечает принципу определенности, поспешно и пр. и пр. Более того, издания пестрят предлагаемыми «новациями», правками и поправками. Теперь даже студенту в курсовой работе надо их вносить – иначе не усмотрят новизны. Однако что-то мешает нам увидеть во всем вышеперечисленном «сознание неудовлетворенности», если понимать под этим глубокое осознание того, что есть, и того, что должно быть, скорее издержки всеохватывающего пустого демократизма. Конечно, правоведение – не биология и не физика, но если это наука, то критический анализ должен исходить от специалистов. И «законодательствовать» должны специалисты. Здесь уместно вновь обратиться к критике позиции Г. Гегеля, отвергавшего монополию юристов в суждениях о законодательстве. Не нужно, дескать, быть сапожником, чтобы знать, «хорошо ли приходятся сапоги». «Конечно, – пишет Г.Ф. Шершеневич, – всякий может чувствовать, что сапог жмет, но всякий ли способен указать, как нужно сделать сапоги, чтобы они не жали ногу?» [2, с. 18].

Полезность и своего рода благородство критического метода хорошо поддерживать в отвлеченном виде, в теоретическом плане. По жизни он встречает самое жесткое противостояние со стороны государства и большей части властвующей элиты. Власть привычно опирается в своем положении на некогда принятые в ее интересах нормы, всегда опасается нововведений и готова при самых незначительных посягательствах на ее прерогативы объявить их революционными со всеми вытекающими отсюда последствиями. Из давнего времени вспоминаются усилия М.М. Сперанского, предложившего либеральные реформы законодательства; из нового времени можно сослаться на попытки проведения реформ А.Н. Косыгиным. В советское время критика допускалась только в адрес буржуазной системы права. Да и сегодня еще нет официального канала для оппозиционных оценок предлагаемых законопроектов. Полагаем, что именно в этой связи мы замечаем отсутствие развернутого обоснования критического метода правоведения в современных учебниках.

По поводу второго пункта критического реализма Г.Ф. Шершеневича – выработки идеала перестройки государственного и правового порядка – отмечаем, во-первых, недоверие к старому естественному праву с неизменностью его постулатов и, во-вторых, благоразумность отхода от абсолютного идеала как мало пригодного для практической жизни. Правоведение должно заниматься установлением относительного идеала, то есть желательного государственного и правового порядка, который «выдвигается всей совокупностью исторических условий. <...> ...Задача политического мыслителя состоит в том, чтобы понять основную тенденцию, политически и юридически осязательную форму идеала.

⁵ Этим положением руководствовался автор настоящей статьи при выборе темы кандидатской диссертации «Установление пробелов в праве» в 1965 г.

Так, наше время явно выставляет социальную проблему, то есть запрос доставить каждому материальную обеспеченность и независимость...» [4, с. 803]. Это, как не без оснований считал Г.Ф. Шершеневич, исторический идеал XIX и XX столетий. Это субъективный идеал, но он становится объективным, как только проникает в массы и приобретает общественную силу. Казалось бы, и возразить нечего против того, чтобы именно таким идеалом руководствовалась наука. Однако история дает примеры проникновения в широкие массы губительных для этих же масс, для народа, для общества и государства идей и стремлений. Отсюда, как представляется, наука должна противостоять такого рода идеалам, и успех такого противостояния видится в обращении в том числе к абсолютным ценностям естественного права. Сегодня, например, в массы широко внедряются ценности общества потребления. Не являются ли они губительными при определенных обстоятельствах? Следует ли делать их стержнем законодательной политики в России? В XXI в. накатывают мощные волны сокрушения традиционных семейных ценностей. Право должно их поддерживать или ставить им преграды?

Обозначать идеалы и провозглашать цели в России всегда умели. Последней из официально запрограммированных целей мы не только не достигли, но и все достигнутое в момент обрушили. Вопросы коммунизма и капитализма, разумеется, не столь просты, чтобы их делать предметом попутных публицистических суждений. Но это вопросы действительно научные и методологические. Надо знать, откуда мы вышли, куда идем и каким шагами должны идти. Если считать, что мы не можем вступить в постиндустриальное общество, а должны завершить индустриальное развитие [5], то и потребительское законодательство следует поумерить! Нельзя жить все время в переходных периодах.

Относительно «изыскания соответствующих мер для перехода от существующего к желательному» по отношению к критическому реализму можно сказать с полной уверенностью одно: он не предполагает насильственных методов. Более того, это тот путь, который отрицает разрушение существующего «до основания». Здесь главенствует закон отрицания отрицания, существо которого в том, что всякое последующее отрицание требует сохранения всего ценного содержания отрицаемого. Речь идет о системе мер, направленных на изменение существующего порядка законодательным путем. В соответствии с идеальными представлениями, именно это и составляет существо политики права.

Здесь просматривается возможность полемики с Г.Ф. Шершеневичем по пункту о том, что политика права у него может быть только деятельностью государства. Если подходить к ее пониманию узко, если все право связывать только с изданием правовых норм государством – да. Но ведь есть и иные источники права. В правовой деятельности участвуют помимо государства самые разные субъекты. Некий компромисс можно обеспечить, не отождествляя политику права с правовой политикой, но здесь необходимы дополнительные исследования, чтобы не сводить все к терминологическим разногласиям. И с правовой политикой в международных отношениях нужны оговорки и уточнения. Г.Ф. Шершеневич, по всей вероятности, видит в них исключительно силу государств, что не согласуется у него с понятием политики права.

Применительно к портрету Г.Ф. Шершеневича уместно напомнить, что его философия права в части политики права, его критический метод не остались пустым умствованием. Об этом свидетельствуют факты его государственной деятельности на высоком посту депутата Государственной Думы. Так, например, 23 мая 1906 г. Г.Ф. Шершеневич в качестве товарища секретаря Государственной Думы предлагает образовать парламентскую комиссию по расследованию преступлений должностных лиц. При этом констатируются «беспримерные акты административного произвола и надругательства над личностью граждан, виновных только в стремлении использовать уже провозглашенную свободу, вопиющие по своим беззакониям аресты и ссылки без суда, варварские экзекуции и другие неслыханные меры усмирения крестьян, ищущих земли и воли; организованные позорные избиения ненавистных реакции борцов за свободу; возбуждение отдельных частей населения друг против друга; систематическое устройство кровавых погромов, направленных против жизни и имущества евреев, с преступным подавлением всех мер их законной самообороны и самозащиты; невероятные жестокости недопустимых ни в какой цивилизованной стране...» (ГД, стб. 552).

Установленные факты дают основания для общего вывода: «Вопиющее противоречие наблюдается в современной жизни России. С одной стороны, в ней действует новая общественно-политическая сила – Государственная Дума, с другой – продолжает свою разрушительную работу прежняя самовластная бюрократия. С одной стороны – искреннее желание установить в стране право и справедливость, с другой – дикое нарушение элементарных прав человека и гражданина». И далее – практический выход его политики права: «Мы по-прежнему ежедневно получаем известия об актах самого грубого насилия над гражданами и самого беззастенчивого превышения власти должностными лицами. Государственная Дума не исполнила бы своего долга перед страной, если бы не направила всех своих усилий к прекращению беспрерывно продолжающихся насилий и беззаконий» (ГД, стб. 552). О способности воплотить основополагающие позиции политики права в подготовку документа высокой юридической техники свидетельствует предложенный Г.Ф. Шершеневичем от имени 104 членов Государственной Думы проект основных положений земельного закона.

Подведем некоторые итоги.

1. Правоведение подразумевает как теоретическую, так и практическую сторону. Ни одна из них не может успешно развиваться вне опосредования философией права, которая, по справедливому замечанию Г.Ф. Шершеневича, является мостиком между общей философией и той практической деятельностью, которая свойственна профессии юриста.

2. Целесообразно не выводить из состава философии права ни теорию государства и права, ни политику права, а смотреть на нее интегративно (Г.Ф. Шершеневич пишет о «слиянии») и именно в этом качестве соотносить с иными, в том числе специальными, юридическими, науками.

Выступления юристов-отраслевиков против теории государства и права во многом оправданны именно потому, что ее часто представляли как науку чистую, самостоятельную, не предполагающую выводимые за скобки философский и практический аспекты.

3. «Основные юридические понятия выходят за границы специальных юридических наук» [2, с. 47], и потому обречены на провал попытки отдельных отраслевиков, ограниченных горизонтом собственной специальности, формулировать общезначимые постулаты⁶. Разумеется, история знает примеры того, как одаренные теоретическим умом талантливые ученые как бы «порывали» со своей специальностью и выходили на самый высокий уровень философии права, и Г.Ф. Шершеневич как раз один из них.

4. Общее правоведение (General Jurisprudence) и, в особенности, правоведение той или другой страны в определенное время своего развития предполагает в качестве естественного и неотъемлемого способа анализа критический метод. Без него нет движения мысли, нет правовой политики. И ценность его не только в сокрушении метафизики застоя, но и в разоблачении симуляции движений, в обнажении произведенных симулякров. Однако необходима оговорка об опасности критического метода, его относительной ценности, что подтверждает оценка Г.Ф. Шершеневичем критической роли естественного права, в котором он видит скрытую возможность социального вреда при всем его историческом значении.

5. Может показаться, что философия права Г.Ф. Шершеневича и его методология утрачивают свое значение в связи с прогрессирующим утверждением метареальности, в которой действуют искусственно созданные субъекты, вступающие в отношения на основе специально смоделированных алгоритмов. Мы можем наблюдать жизнь, параллельную нашей, параллельную реальность с аналогами наших законов и подобием наших правоотношений. Более того, другая метасистема права вторгается в официальную, происходит переплетение и конкуренция норм.

Да, все это имеет место и нуждается в тщательном анализе как в аспекте теории, так и с позиций политики права. Но по большому философскому счету меняется немного. «Параллельные» реалии имели место во все времена в мифах, в литературе, в произведениях искусства. В русских сказках Иван-дурак на печи в свет выезжал и мог конструировать как частные, так и публичные отношения, в том числе с царскими особами. И раньше, и теперь источником позитивного права являлись разные реалии. Они всегда нуждались в диалектической критике, прежде чем получить поддержку властвующего субъекта (государства)⁷. Все изменения в истории касаются объема информации, средств ее обработки и доставки к широкому потребителю.

6. Сложное взаимодействие «параллельных» миров правовых и метаправовых реальностей порождает сумятицу в головах теоретиков и практиков, растерян-

⁶ В качестве примера приведем позицию уголовных процессуалистов, согласно которым «все гуманитарные истины – субъективны, ибо их мерилom является человек». И выводится она из ситуации правосудия, характеризуемого в качестве игры, где истина «является гадательной, вероятным знанием». Для них «концепция объективной истины – зло. Явление, порожденное инквизиционной (а значит, тоталитарной) юридической традицией» [1; с. 572-573]. Зашоренность, обусловленная политическим отвержением определенных событий отечественной истории, приводит к безапелляционному выводу (отнюдь не оригинальному), что знание надо рассматривать не как правильное или неправильное, а как полезное или вредное. Представляется, что именно этот постулат мог с успехом реализовываться в годы инквизиции и террора.

⁷ Представляется, что как в плане науки, так и в плане преподавания сохраняют свое значение кафедры нравственно-политического отделения Казанского университета, созданные при его основании: умозрительная и практическая философия, естественное, политическое и народное право.

ность законодателей. Данность социального мира подвергается сомнению, приравнивается к наивному социальному реализму, социальность сводится к описанию явления, и вне знака ее существование объявляется невозможным, право принадлежит к миру значений, многие правовые явления относятся к фикциям (то есть не принадлежат к фактическим реалиям) и т. д. и т. п. Как следует относиться к подобному рода положениям? Представляется, что их нельзя отвергать, характеризовать в качестве неистинных. С учетом относительности всякой истинности следует отнести их к суждениям, отражающим внутреннюю, ментальную, психическую сторону носителей данных идей, игнорирующих социальное бытие в качестве его материальной (собственно поведенческой) стороны⁸. Отсюда для установления истинности этих идей, ограниченной психической сферой формирования и функционирования, востребованы средства постмодернистской методологии.

7. При всей оппозиционности правящему режиму, Г.Ф. Шершеневич сторонился левых позиций, и его критический метод вполне укладывается в рамки здорового консерватизма. В современных условиях особенно актуально с научных позиций определиться, во-первых, с объектами критики, во-вторых, с приемами и формами критики и, в-третьих, – с пределами критики.

Все перечисленные положения нуждаются в специальном исследовании. Оговоримся только в отношении двух опасностей: первая – политическая (риск впасть в экстремизм и получить обвинительный приговор); вторая – эпистемологическая. Критике не могут быть подвергнуты явления, которые возникают закономерно. Критика возможна лишь в отношении конкретных актов человеческой деятельности⁹.

Источники

ГД – Государственная Дума. Первый созыв. Сессия I. Заседание 013. 23 мая 1906 г.: Стенографический отчет. – СПб.: Гос. Тип., 1906. – Стб. 531–586. – URL: <https://naukaprava.ru/catalog/3355/335690/3356901/36007?view=1>

Литература

1. Постклассическая онтология права / Под общ. ред. И.Л. Честнова. – СПб.: Алетейя, 2016. – 688 с.
2. *Шершеневич Г.Ф.* Философия права. Т. 1: Часть теоретическая: Общая теория права: Выпуск первый. – М.: Изд. Бр. Башмаковы, 1910. – VI, 320 с.

⁸ Профессор И.Л. Честнов назвал свою главу в одной из коллективных монографий «Постклассическая интерпретация ускользающего бытия права...» [1, с. 10]. Наименование примечательно тем, что «бытие права» не отвергается: оно лишь «ускользает» из поля зрения какой-то части людей, в особенности тех, кто сосредоточен на виртуальной картине мира.

⁹ Никому в голову не придет критиковать глобальное потепление: по этому поводу можно только радоваться или печалиться, но по поводу деятельности человека и разного рода человеческих общностей в этой сфере критика могла бы быть более жесткой. Здесь возникает общий вопрос о пределах человеческой активности, об удержании ее в неких «человеческих» границах, оставляя «Богу Богово». Многие серьезные умы предупреждали об опасностях, обусловленных развитием наук (кстати, не только естественных). Но утвердилось непререкаемое мнение: науку и прогресс не остановить. Сильные мира сего и не заинтересованы в их сдерживании, если это ведет к потере прибылей. Для правоведа по-прежнему остается актуальным определение возможностей права в предупреждении социально опасного поведения.

3. *Шершеневич Г.Ф.* История философии права. – С.-Пб.: Изд. Бр. Башмаковы, 1907. – 588 с.
4. *Шершеневич Г.Ф.* Философия права. Т. 1: Часть теоретическая: Общая теория права: Выпуск четвертый. – М.: Изд. Бр. Башмаковы, 1912. – VII, 699–805 с.
5. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Под общ. ред. И.Т. Касавина. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.
6. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М.: Логос, 2000. – 304 с.

Поступила в редакцию
05.12.2019

Лазарев Валерий Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

ул. Б. Черемушкинская, д. 34, г. Москва, 117218, Россия

E-mail: lazarev@izak.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2020, vol. 162, no. 2, pp. 17–29

doi: 10.26907/2541-7738.2020.2.17-29

**On the Critical Method of Law
(G.F. Shershenevich and His Ideological Legacy)**

V.V. Lazarev

*Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow, 117218 Russia*

E-mail: lazarev@izak.ru

Received December 5, 2019

Abstract

The ideological and scientific legacy of G.F. Shershenevich, a famous Russian civilist, was analyzed. In particular, his philosophy of law in what concerns the policy of law and the critical method was considered. The ideas were discussed that the critical method is revealed through the following three aspects: 1) awareness of the unsatisfactory nature of the current law and order, as a whole and in its parts; 2) setting the ideal as a goal, which the law must fulfill by means of transformations; 3) finding appropriate measures to enable a transition from the existing order to the desired one. Based on the obtained results, it was concluded that jurisprudence embraces both theoretical and practical sides. However, none of them can develop successfully without being mediated by the philosophy of law. Therefore, the philosophy of law should rely on the theory of state and law and the policy of law, thereby determining our view of special legal disciplines.

Keywords: G.F. Shershenevich, civil law, methodology, philosophy of law, critical method of legal studies

References

1. *Postklassicheskaya ontologiya prava* [Post-Classical Law Ontology]. Chestnov I.L. (Ed.). St. Petersburg, Aleteiya, 2016. 688 p. (In Russian)
2. Shershenevich G.F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Vol. 1: Theoretical part: General theory of law: Issue 1. Moscow, Izd. Br. Bashmakovy, 1910. VI, 320 p. (In Russian)
3. Shershenevich G.F. *Istoriya filosofii prava* [History of Legal Philosophy]. St. Petersburg, Izd. Br. Bashmakovy, 1907. 588 p. (In Russian)
4. Shershenevich G.F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Vol. 1: Theoretical part: General theory of law: Issue 4. Moscow, Izd. Br. Bashmakovy, 1912. VII, 699–805 p. (In Russian)
5. *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. Kasavin I.T. (Ed.). Moscow, Kanon+, ROOI “Reabilitatsiya”, 2009. 1248 p. (In Russian)
6. Inozemtsev V.L. *Sovremennoe postindustrial'noe obshchestvo: priroda, protivorechiya, perspektivy* [Modern Postindustrial Society: Essence, Challenges, and Prospects]. Moscow, Logos, 2000. 304 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Лазарев В.В. О критическом методе правоведения (по следам идейного наследия Г.Ф. Шершеневича) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 2. – С. 17–29. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.2.17-29. ⟩

⟨ **For citation:** Lazarev V.V. On the critical method of law (G.F. Shershenevich and his ideological legacy). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 2, pp. 17–29. doi: 10.26907/2541-7738.2020.2.17-29. (In Russian) ⟩